

тых камнях, служивших кладкой в фундаментах многих сменявшихся культур, она — в этих размытых дождями холмах, она — в разрытых складках утомленной земли, она — в этих заливах, где никогда не переводилась торговая суетня и неистребимо из века в век цветет жгучая человеческая плесень". Чтобы в природе наших дней увидеть прошлое, художник должен "перестрадать" ту землю, которую он пишет, пережить историю каждой долины, каждого холма, залива, и тогда пейзажи Одессы наполняются незримым присутствием времени. Так взгляд художника останавливается не только на существующей природе, которой есть что вспомнить, но и на особом чувстве осязаемости, вещественности времени. Словно проснувшись и сожалея о прекрасном, но тут же забытом сне, вдруг находишь под рукой осколок древней амфоры...

Берег в Аркадии. Море намывает насыпи, волна приходит и отступает. Там, где волна отошла, — песок потемнел, а здесь, где яркое солнце — высушен добела и покрыт сухой коркой. В ней застыли водоросли, медузы, пробки. И лодочка, ладья, ладошка — небольшой корабль с веслами и запасом еды, в море жизни, где мы плывем по воле ветра и капитана. Долгий путь...

Когда-то все вокруг было море. А теперь отлив обнажил дно — и выступили балюстрады ступенек. По ним недавно двигались люди, беззаботно и просто.

Есть прошлое — появляется настоящее. О.В. Слешинский дружески предлагает воображаемому зрителю попутешествовать с ним вдоль берега моря, и лучше с этюдником на плече. Потому что так увидеть южные края может только живописец.

Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе,
Весь трепет жизни, всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Скалистые берега, море и рядом человек. Город, построенный им, приотлив и своеобразен. О.В. Слешинский сосредотачивает свое внимание не только на документальной точности облика архитектуры, но главное, как говорит сам автор, "в Одессе есть своеобразная пластика, которая позволяет интересно решить городской пейзаж. Дело не в том — пишешь ты дворец или просто хибару. Старые дома в районе Молдаванки, Слободки имеют свой шарм".

Когда умолкнул звон трамваев

Стоял жаркий июль 1951 года. Алка, правда, утверждает, что год был не 51-й, а 50-й. Возможно, она и права. Ей лучше знать. Ведь это у нее на веранде разворачивались главные события. Ладно, пусть! И так, стоял жаркий июль 1950 года. Учебный год и экзамены остались позади, О новом учебном годе пока и думать не хотелось. Поэтому за календарем мы из принципиальных соображений не следили. Правда, дни недели, в отличие от дат, определялись четко. Они были строго регламентированы кулинарными стандартами дачников, проживавших в прямом смысле в тесном, но относительно содружестве дачного коллектива по улице Гаршина, что на 12-й станции Большого Фонтана.

Уже с утра жужжание работающих в унисон примусов слегка заглушало доносящееся неясное бормотание прибора (неясное потому, что оползти тогда еще не успели приблизить море к дачам на 12-й станции) и вплеталось в звонки трамвая № 18, проходившего в те годы прямо вдоль береговой линии. А вместе с жужжанием примусов от веранды к веранде докатывались волны кулинарных ароматов, соревнуясь с полынно-пыльным запахом нагретой степи и солоновато-тинным запахом моря. Об ароматах цветов на клумбах я умалчиваю, потому что по неизвестной причине в те времена на дачах сажали в основном ничем не пахнущие майоры — яркие некрупные оранжево-красные цветы с жестким венчиком и прямым жестким стеблем (возможно, это была дань отшумевшей в недавнем прошлом войне).

Так вот. У всех дней недели был свой запах. В понедельник на каждой веранде булькала кастрюля и скворчала сковородка, а в воздухе весьма недвусмысленно пахло рыбой. Это дачники дружно утилизировали улов супруга Мадам Стороженко — дворничихи коллектива. Кличка "Мадам Стороженко" была естественной данью нашего увлечения Катаевым. Муж Мадам всю неделю трудился где-то на заводе, кажется, на "Радиалке", а в воскресенье регулярно на целый день уходил на рыбалку. Причин тому было много. В первую очередь, рыбалка — это хобби (даже тогда, когда этого слова в нашем лексиконе и в помине не было). Во-вторых, рыба, в отличие от Мадам, всегда безмолвствует. В-третьих, возможность добавить что-то в негустой бюджет семьи значило обеспечить себе покой на неделю.

Мадам Стороженко появлялась в понедельник рано утром на полян-

ке, окруженной скоплением веранд, и громогласно выпаливала одну и ту же тираду: "Ой, люди добрые, рятуйте! Выручайте! Опять мой паразит, бездельник, натаскал бичков, чтоб его с теми бичками холера узяла! А что мне одной с такою прорвою робыты? Уж купуйте их, клятых, хочь по дешевке. Задаром отдаю...".

Хотя на Привозе рыбу можно было купить и дешевле, но за ней надо было ехать на 18-м, будь он неладен, трамвае. А потом еще и возвращаться. Кроме того, после воскресного так называемого отдыха все были без сил и без продуктов. Почему? Поймете дальше. Если вы в те годы жили на даче, то и вопросов у вас нет.

Вторник, всем известно, самый лучший базарный день. Во вторник со всех веранд тянулся аромат куриного бульона и шел обмен информацией о достоинствах купленных кур. Причем, вес кур завывшался, а цена и возраст занижались. Неудачи типа надутой через гузнышко курицы или раздавленного в ней желчного пузыря, естественно, замалчивались. Только моя бабушка, Розалия Григорьевна, купив вместо цыпленка когтистую, волосатую, жилистую маломерку и проварив ее безрезультатно целый день, самокритично философски заметила: "Наверное, это был старый цыпленок".

В среду морские и степные запахи перебивал аромат жареных котлет. Потому что по средам еженедельно на дорожке нашего дачного коллектива возникала грузная фигура однорукого Пети, приносившего слегка привявшие полоски филейчиков, кругляши задней части и антрекоты с устрашающе черно-красным разубом хребетных костей. Петя работал грузчиком в мясном корпусе, что делало, учитывая его однорукость, его фигуру довольно загадочной. Поговаривали, что у него на запрятанной в рукав культе есть все пять пальцев или что у него имеется стальной протез-крюк, которым он пользуется при погрузке и разгрузке. Торговаться с одноруким инвалидом казалось неудобным. Но еще неудобнее, сложнее, было добираться лишний раз 18-м трамваем до Привоза. Поэтому, критически обследовав с помощью носа куски мяса, хозяйки раскошеливались и приступали к священнодействию приготовления обеда.

По четвергам на дачных верандах, бесцеремонно устраивая раннюю побудку, появлялся Кривой Андрей с огромными кусками уже разрубленной камбалы. Почему одноглазую рыбу продавал одноглазый Андрей, и вообще, почему все наши поставщики были увечными — оставалось загадкой. Впрочем, калек после войны хватало. Зато Мадам Стороженко своей избыточной, как казалось, укомплектованностью всеми органами

и конечностями плюс мощными голосовыми связками и бойко подвешенным языком компенсировала недостаточность конкурентов.

Итак, четверг снова был рыбным днем (не с нашей ли дачи пошла узаконенная рыбная диета 70-х годов?). Но пахло намного резче, чем в понедельник. Потому что камбала — это тебе не бычок. В ней рыбный дух намного забористей. Бычок, особенно в ухе, в отношении запахов ведет себя довольно скромно. Но жареная камбала концентрирует на себе все внимание. Так что спутать четверг с понедельником никак было не возможно.

В пятницу и субботу в кулинарных изысках дачников наблюдались разброд и шатание, но так как даже за рыбным четвергом всегда идет пятница (да и остатки рыбы с четвергового обеда на пятничный завтрак не давали запутаться), а в субботу, как правило, начиналась подготовка к варке воскресного борща, то и эти дни были тоже точно определены.

А борща в воскресенье требовалось много. Это был день ВРАГОВ. Собственно говоря, "врагами" именовались близкие и дальние родственники, друзья и просто знакомые, с восходом воскресного солнца возникавшие на дачных дорожках вместе с детьми и воплями: "А вот и мы! Не ждали?!".

Так что в понедельник с веранды на веранду летел вопрос: "Сколько у вас вчера было врагов?". Но это ничего не значило. Врагов, то есть гостей, кормили, отправляли на пляж, снабдив подстилками, мыли после них горы посуды, уступали им шезлонги и раскладушки, на которых вознамеривались отдохнуть после рабочей недели отцы семейств. И даже разбирали ссоры многочисленной привезенной детворы, не всегда будучи уверенными, что вытерли сопли и слезы или дали подзатыльник своему сорванцу.

Это именно тогда родился анекдот про Рабиновича, которому Господь, несмотря на прегрешения усоншего, дал место в раю, мотивируя тем, что у бедняги при жизни была дача, на которую съезжались по воскресеньям гости.

Поэтому в воскресенье варился борщ, который при экстремальных обстоятельствах можно было перелить в большую кастрюлю (при случае в ход могло пойти и ведро) и долить водой. Но однажды традиционное воскресное меню было нарушено. Собственно, об этом мой рассказ, а все остальное — лирическое отступление, необходимое, чтобы вы прочувствовали дачную атмосферу 51-го, или, пусть уж будет, 50-го года.

Надо сказать, что все дачки в нашем коллективе были маленькие — одна комнатка с верандой. Самая крошечная дачка была у самой многочисленной семьи по фамилии Переплетчик. Было совершенно непонятно,

как такая орава на ночь размещалась в 12-14 метровой комнатенке и такой же (если не меньше) веранде. Стоя спали они или на потолке укладывались? Поскольку каждое непонятное явление становится чуть понятнее, если его обозначить каким-либо названием, то семейство Переплетчиков получило прозвище ЕВРЕЙСКИЙ АТТРАКЦИОН.

Воскресные гости и для них не были исключением. Кроме того, у Переплетчиков была большая родня в Гайсине, Тульчине, Балте (чуть было не написала в Бойбереке и Касриловке) и в других славных городах Одесской и Винницкой областей. Не знаю, была ли у них родня, говоря шолом-алеихемским языком, в Егупеце, но в Москве нашелся дядя, который вместе с тетей и внуком заявился к ним на дачу в том же жарком июле 51-го или 50-го года. Как разместили тетю и внука — это секрет переплетчикова аттракциона. С дядей оказалось проще. Он приехал спасти зрение в знаменитый институт Филатова, так что на лежачее место у Переплетчиков дядя не претендовал.

Зато в ближайшее воскресенье, оказавшись за столом в центре внимания (московский гость, а как же иначе?), дядя рассказал, что с ним в палате находится молодой репатриант, красавец, потерявший зрение оттого, что, когда его снимали во время выступления в миланской опере Ла Скала, он слишком долго смотрел на яркие софиты, и они "выжгли" ему глаза.

— Понимаете, — говорил дядя, — он мог и отвернуться, но это испортило бы роль, а Артур, так красиво зовут молодого человека, не мог себе такого позволить. Герой, одно слово, герой! А поет как! Такого голоса даже у нас в Москве в Большом не услышишь!

Романтическая история тут же разнеслась по всему дачному коллективу. Молодой, красивый, репатриант то ли из Франции, то ли из Италии (а иначе как бы он попал в Ла Скала?), певец, слепой!!!

— Ой, ему же надо есть наваристые бульоны, — сказала Эти Мионовна — хозяйка, у которой мы снимали дачу. — Я как зубной врач это вам говорю абсолютно компетентно.

Слово "компетентно" оказалось спусковым механизмом. Со всех сторон, как из рога изобилия, посыпались не менее компетентные кулинарно-медицинские советы-рецепты. Возник такой гул, и атмосфера накалилась так, как будто одновременно заработали все дачные примуса.

— Женщины, ша! — прервал дискуссию дядя, уже немного освоивший одесскую терминологию.

— Ша, женщины! Я в следующее воскресенье привожу молодого человека, а вы обеспечьте стол.

После такого заявления не какого-нибудь, а московского гостя, хозяйки отправились каждая на свою веранду обдумывать личный вклад в предстоящий обед, свое коронное блюдо.

Итак, в ближайший воскресный день с каждой веранды потянулся одуряющий аромат, призванный удостоверить индивидуальную кулинарную квалификацию хозяйки.

Но все перебивал концентрированный (благодаря математическому умножению на число дачных хозяек) залах куриного бульона.

К часу дня дядя с молодым человеком добрались до дачи. И началось!

Столы сдвинули на той самой полянке, куда выходило большинство веранд. Каждая хозяйка притащила свое, сотворенное по секретному бабушкиному рецепту, блюдо. Икра из синеньких была не менее чем в пяти вариантах. Куриные бульоны по наваристости и плотности могли бы соперничать с холодцами. Копченые и соленые скумбрии-качалки отливали золотом и серебром. Даже Мадам Стороженко принесла блюдо жареных бычков, сгоняв сынишку за первой партией улова к отцу.

А разговоры! А расспросы! Правда, одесские женщины, что бы о них ни говорили, — народ деликатный (чего не скажешь об их телосложении). О том, что случилось со зрением, они не спрашивали. Но так как Артур совершенно определенно заявил, отвечая на вопрос, что самые красивые женщины в мире — это испанские цыганки, то, скорее всего, вранье то, что он родился незрячим, а романтическая история, преподнесенная дядей — правда. А иначе как бы он определил, кто первые красавицы мира? Правда, после этих слов о красавицах испанских цыганках некоторые наши дамы стали вздыхать, мол, как жаль, такой молодой и так плохо видит... Совсем плохо.

Но в целом день и обед удались. Правда, молодой человек не пел. Опять-таки, из деликатности никто не решался попросить его спеть. Как это будет выглядеть? Сначала покормили обедом, а теперь делай им бесплатный концерт? Неприлично! А тут за разговорами и ужин подошел, все на той же полянке, под теми же деревьями. А там и луна в ветвях запуталась, затрещали цикады и смолкли звонки 18-го трамвая. Наступила ночь. А с ней пришла проблема, где устроить на ночь гостя. Дядю умудрились как-то вписать в переплетчиковый еврейский аттракцион. Но как быть с молодым человеком?

После совещания решили устроить его на веранде (благо, ночь теплая) у Алкиной мамы. Причины были весомые. Алкина мама была певицей Одесского оперного театра. Сама Алка заканчивала уже школу имени Столярского. Так что решение было естественным. Нельзя сказать, чтобы

Алкина мама приняла предложенную ей честь с восторгом. Муж в то лето работал где-то в другом городе. У нее 16-летняя дочь, невинная девушка. А тут вдруг молодой человек из страшного капиталистического мира, да еще армянин, а армянский темперамент известен всем! Было от чего прийти в волнение. А тут еще и дочь глаз не сводит с молодого красавца! Впрочем, вся молодежь, вся наша дачная компания (кто в молодости жил на даче, знает, что дачная компания — это совсем особый коллектив, сплоченный не школьными буднями, а праздником солнца и горячего песка, волейболом и вечерними эскападами через забор в Дом отдыха либо санаторий на танцы или так называемый кинозал, то есть на площадку, где на натянутом между деревьями полотнище проектируется часто рвущаяся лента. Это ночные посиделки на обрыве над морем, в которое опрокинулось ночное небо, и по которому прочертила дорожку луна, и разговоры под неумолчный треск цикад). Так вот, вся наша дачная компания не сводила глаз с гостя и, затаив дыхание, слушала его рассказы...

А потом он без всяких наших просьб запел!..

Напрасно Алкина мама всю ночь беспокойно поглядывала в окно, выходящее на веранду, на то, что там происходит. А потом и она заслушалась. Не могла оперная певица не оценить красоту и вокальное мастерство гостя. Постепенно вокруг Алкиной веранды собрались все дачники нашего коллектива. Да что нашего! Пришли и с соседних дач.

Голос молодого певца разносился далеко в ночной тишине. Он летел и к замершему морю, и в пахнущую пылью и полынью степь, и к небу, к звездам. Он достиг ушей живущего на соседней даче кумира одесских меломанов Доната Донатова, и замечательный певец пришел и, стоя вместе со всеми под Алкиной верандой, слушал и слушал следующие одна за другой арии, баркаролы, неаполитанские песни...

Вскоре слава замечательного певца (которому, кстати, Филатов вернул зрение) разнеслась по всему Советскому Союзу. Но мы, дачники с 12-й станции Большого Фонтана, всю жизнь гордились тем, что первое выступление в СССР ставшего теперь уже легендой Артура Айдиняна состоялось в 1951 или 1950 году в нашем маленьком дачном коллективе на Алкиной веранде.

ПУБЛИКАЦИЯ

Петр ЕРШОВ
Одесская "Зеленая лампа"
Публикация Виталия АМУРСКОГО268
